

УДК 81'373

СЕМИОТИКА КОЛОРАТИВА КРАСНЫЙ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Герасименко И.А.

Актуальность. Колоративная лексика является традиционным объектом внимания лингвистики. Этот пласт слов изучается с точки зрения его употребления в разные периоды развития языка (Н.Б. Бахилина, М.А. Суровцова, С.В. Кезина и др.), с позиции его использования во фразеологических и паремиологических сочетаниях (С.И. Григорук, Ю.Г. Завалишина, Л.А. Шестак и др.), со стороны функционирования в текстах различных жанров (М.О. Новикова, В.Б. Колосова, Т.М. Тяпкина и др.). Есть исследования, посвященные отдельным названиям цвета. К их числу относятся и статьи о цветообозначении (далее ЦО) *красный* (Е. Крыжановская, Л.А. Лебедева, Н.В. Усанкова, Л.Г. Савченко, Н.И. Андреева-Васина, Е.М. Иссерлин, А.А. Брагина и др.).

Постановка проблемы. Регулярное обращение в языкознании к данному колоративу объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью красного цвета как предмета языкового выражения. В большинстве случаев работы по семантике указанного ЦО поверхностны, ученые лишь иллюстрируют на материале текстов различных жанров присущие ему значения, но не объясняют их связь с изначальными этимологическими смыслами. Более того, исследования фразеологических и паремиологических единиц с тем или иным колоративным компонентом (в том числе и со словом *красный*) носят разрозненный характер, они лишь спорадически и поверхностно опираются на сведения об историко-культурной языковой традиции. Не будет преувеличением сказать, что для лингвистов семиотика цвета во фразеологии и паремиологии остается изученной не до конца. Поэтому цель данной статьи – рассмотреть ЦО *красный* в составе русских идиом с целью раскрытия его глубинных смыслов. Материалом исследования послужили факты словарной фразеологии, представляющие собой устойчивые изречения с компонентом «красный», взятые из фразеологического словаря русского языка [22], фразеологического словаря русского литературного языка [23] и одного из лучших в славянской фразеологии сборников – «Пословицы русского народа» В.И. Даля, представленного изданиями [13] и [14]. Частично используются и другие источники.

Как показывают наблюдения, во фразеологических и паремиологических формулах языковое видение в большинстве случаев вербализовалось с помощью обозначений красного, белого и черного цветов, представленных своими основными названиями (*красный, белый, черный*). Колоратив *красный* в русской фразеологии иногда выступает составляющим означенной триады *белый – черный – красный*. Но чаще он образует дуальные пары *красный – черный // красный – белый*, актуализируя различные смыслы. Ср.: *Красное солнышко на белом свете черную землю греет* [14, т.2, с. 327]; *Деньга про белый день, деньга про красный день да деньга про черный день* [14, т.2, с. 575]; *Полюби нас вчерне, а в беле-то (в красне) и всяк полюбит* [14, т.2, с. 327]; *Временем в красне, порою в черне* [14, т.1, с. 262]; *Мила не бела, да я и сам не красен* [13, с. 544]. Как видим, в указанных примерах ЦО *красный*, выступая в качестве многозначной лексемы, представляет различные коннотации (*красный* – «красивый», «хороший», «нарядный», «праздничный» и проч.). Данное ЦО используется в идиомах и в виде единичного колоративного компонента. Например: *Кали барский дурак, так и красный колпак* [13, с. 521]; *Дождик вымочит, а красно солнышко высушит* [14, т.1, с. 215]; *Жить в красне хорошо и во сне* [14, т.1, с. 184];

Просим на избу: *красному гостю красное место* [13, с. 568]. Самые поверхностные наблюдения показывают, что *красный* в названных и других случаях имеет неоднозначную семантику. Это слово используется и для обозначения одного из цветов спектра (*красный* – значит «красный»), и, называя другие смыслы, характеризуется коннотациями (*красный* – «праздничный», «почетный», «хороший», «красивый» и проч.). Ср.: *Шампанское – панское, а красное – метцанское* [14, т.2, с. 668]; *Вянет и красный цвет* [13, с. 549]; *Кому красное слово, кому присказку* [14, т.2, с. 631]; *Кто красен дочерью да сынами в почете, тот в благодати* [14, т.2, с. 136]; *Птица крыльями сильна, жена мужем красна* [14, т.2, с. 106]. Данная многозначность слова *красный* объясняется, на наш взгляд, глубинной особенностью ЦО – с помощью одного слова выражать разные значения. Кроме того, нельзя забывать, что формирование смыслов у ЦО – это длительный исторический процесс, который сопряжен с развитием номинации в направлении от абстрактного (охватывающего все окружающее) к конкретному. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики каждого ЦО (в том числе и *красного*), его многозначность и амбивалентность.

Следует отметить, что лексема *красный* интерпретируется традиционной лингвистикой как слово с исходным значением «красивый», «прекрасный» [2, с. 162; 3, с. 79; 5, с. 139]. При этом *красный* понимается исключительно как светлый цвет, чьи обозначения характеризуются положительными коннотациями. «*Красный, красивый* тоже сродни с солнечным светом», – замечает А.А. Потебня [15, с. 306]. «В русских памятниках слово (*красный*. – И.Г.) известно с древнейших времен, широко употребительно и используется для характеристики очень многих и очень разных положительных качеств», – пишет Н.Б. Бахилина [2, с. 162]. Действительно, прилагательное *красный* этимологически связано со словом *красивый*. Ср.: укр. *красний* «красивый», болг. *красен* «то же», сербохорв. *красан, красна* «красивый», «великолепный», словен. *kráson* «прекрасный», чешск. *krásný* «то же», словц. *krasny* – «то же», польск. *krasny* «прекрасный», «пригожий», в.-луж. *krasny* «красивый», н.-луж. *kšasny* – «то же» (см.: [21, с. 368; 2, с. 162; 18, с. 97]). Однако трудно согласиться с тем, что *красный* – это светлый цвет. Элемент *крас-*, являющийся ядром не только слова *красный*, но и многих других (*красить, окрас* и т.п.), представляет цвет вообще (ср.: *Свинка золота цетинка, льняной хвост, по белу свету скачет, весь свет красит* [14, т.2, с. 468]). Общий же смысл «цвет» не может быть «светлым», «цвет»= «темный» (ср. диал. *красный* как *крашена* в значении «густо-красный» [11, с. 193]). Если вспомнить обозначение красного цвета в родственном украинском языке (*червоний*), то здесь оно этимологически связано с укр. *чорний* (ср. также укр. *червлений, червіньковий*, рус. *червонный, червленый, червчатый, черемной* и др.). Названные колоративы с компонентом *черв-*, служащие для выражения признака «красный», опосредованно связаны с *червь*, а *червь*, в свою очередь, номинативно связано с «дырой» / «тьмой»². При этом *черв-* с переходом **в** → **м**, «как это нередко случается с губными и плавными» [16, с. 24], по-видимому, этимологически совпадает с рус. *чермный* и укр. *чемний* ([= «тихий»] и «темный») [10, с. 171]. Ср.: *А садился-то Владимир да на червельный стул* [4, с. 122]; *А не пеленя во пелену червчатую, / А не поясай во поясыя шелковые* [4, с. 28]; *Черному, черемному, завидливому, урвливому, прикошливому – соли в глаза* [14, т.2, с. 177]; *Ему навстречу черемная лисица, баять мастерица <...>* [17, с. 545]. В основу таких речений, как *красное золото / червонное золото*, также положен признак цветности, близкий к темному. Фактически *красное золото / червонное золото* включает в себе не столько обозначение красного и червонного как «красивого» или «красного», сколько понятие «темного» (ср. *красное золото / червонное золото* = *червонцы: Шелк не рвется, булат не гнется, а красное золото не ржавеет* [13, с. 507]; *Не то дорого, что красное золота, а дорого, что доброго мастерства* [14, т.2, с. 223] и *Ковды разобрался с этой дудочкой – эта дудочка была старинная червонного золота!* [17, с. 545]). Все это дает основание считать, что *красный* цвет исходно осмысливался как «темный».

Сомнительным является и понимание «красивого» как исходного смысла прилагательного *красный*. Общеизвестно, что ЦО (в том числе и *красный*) в составе идиом первично являлись выразителями утилитарной (рациональной) оценки (об этом см.: [12, с. 23;

5, с. 143; 19, с. 17] и др.). Древние славяне, ввиду изначального отсутствия в их культуре общеморальных «понятий Добра и Зла» [12, с. 23], оценивали реалии с точки зрения их пригодности и практической полезности. Соответственно, в древности ЦО *красный* осмысливали сквозь призму «утилитарных» и «рациональных» понятий Пользы и Вреда. Поэтому красный цвет понимался как «хороший» в значении «полезный», «пригодный». Если принять этот тезис, то становится намного более понятным содержание целого ряда паремий. Ср.: *На красный цветок и пчела летит* [14, т.1, с. 336]; *Не красна книга письмам, красна умом* [14, т.2, с. 214]; *У спасца и деготь – красный товар* [14, т.2, с. 47]; *Купец здесь, а товара не видно. Надо красный товар налицо дубровушке* [13, с. 558]; *Красна ложечка с пахлебочкой (а не сухая) дубровушке* [13, с. 530]; *Красенькая ложечка охлебается и под лавкой навалается* [13, с. 530]; *Служил три лета, выслужил три репы, а красной ни одной* [14, т.1, с. 259]; *Дело толком красно* [14, т.2, с. 214]. Здесь ЦО *красный*, заключая в себе модус рациональной оценки, означает «полезный», «нужный». При этом семантическая связь *красного* со смыслом «полезный» «лежит» не на поверхности, она вытекает из общей семантики идиомы, из её контекста.

Надо сказать, что семантика колоратива *красный* как «полезного», «ценного» проведена не только во фразеологии и паремиологии. Указанная коннотация *красного* прослеживается и в названии лекарственных растений. Так, в основе наименования *красная акация* [1, с. 119] лежит не цветовой признак, а её полезные качества, так как это растение, имея лимонно-желтые цветы и серебристого цвета бобы, используется в народной медицине в качестве жаропонижающего средства. В свою очередь, *красная девятихв* [9, с. 257] – это тысячелистник с белыми и желтыми цветами, название которому также дано только по его полезным («красным») свойствам. Подобный утилитарный смысл *красного* отражен и в названии ценных пород рыб (*красная рыба*), деревьев (*красный лес*), в сочетаниях типа *красное масло*, *красный мед*, *красная крупа*, *красный зверь* (например, *Бей сороку и ворону, добьешься и до красного зверя* [14, т.1, с. 219]). На это обращали внимание некоторые авторы, однако ни лингвистических, ни этимологических пояснений данной семантической связи не было дано (см.: [1, с. 118, 119; 2, с. 163, 165, 166] и др.).

Примечательно, что наличие близости *красного* к смыслу «хороший» как «полезный» прослеживается не только на смысловом, но и на лингвистическом уровне. Ср. альтернанты *красн // крас, крас // краш = хрьсь = хорош*. В этом ряду *краш(е) / крас → хрьсь → хорош → грош*, соответственно, прослеживается связь «красного» и «хорошего». На неё указывали отдельные лингвисты («Старославянскому *красный* в русском языке соответствует фонетический вариант *хороший*» [8, с. 19]), однако объяснить эту связь не смогли. Считаем, что названные факты служат подтверждением тому, что *красный*, исходно имея смысл «темный», на глубинном уровне означал «полезный», «пригодный».

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что «красивый» / «прекрасный» / «хороший» – это не первичные (на чем настаивает традиционная этимология), а производные смыслы колоратива *красный*. Смысл «красивый» первоначально определялся в *красном* смысле «полезный» («полезный» – потому и «красивый»), из исходного «полезный» развился смысл «красивый». Это понимание красного как «красивого», ввиду его пригодности и рациональной пользы, зафиксировано в целом ряде идиом. Ср.: *Красный товар* [23, с. 640]; *Красные дни* [23, с. 189]; *Красна дорога ездоками, а обед тирогам* [14, т.1, с. 534]; *Ешь, конь, сено, поминай красное лето!* [14, т.1, с. 574]; *Пшеницу сей, когда весна стоит красными днями* [13, с. 624]; *Не краса корове, что часты пестринки* [14, т.2, с. 326]. Сюда же относятся и идиомы с синтагмой *красное солнышко* типа *Все мы растем под красным солнышком, на Божьей росе* [14, т.1, с. 543]; *На закате красна солнышка, на восходе светла месяца* [13, с. 624]; *Краше красного солнышка, светлее ясного месяца* [14, т.1, с. 87]. Ошибочно в данном сочетании рассматривать колоратив *красный* как «светлый» или «красивый», что типично для традиционной лингвистической мысли («Красно солнце, – пишет А.А. Потебня, – прежде

всего светлое, потом прекрасное» [15, с. 306-307]). В основу данного наименования положен признак нужности светила, его пользы (*красное* – потому что светит и греет; ср. семантическую тождественность понятий *светить* и *греть/гореть*). Эти факты дают основание считать, что развитие смысла «красивый» в *красном* шло от глубинного «полезный».

Однако *красный* не является колоративом с исключительно позитивной семантикой. Как и большинство ЦО, *красный* является амбивалентной лексемой с положительной и отрицательной коннотацией. Так, выступая в производном значении «красивый», адектив *красный* развил обратный добавочный смысл: *красный* – значит «красивый», но «бесполезный». Данную коннотацию *красного* мы наблюдаем, например, в: *Красна весна, да голодна* [13, с. 628]; *Дурак любит красно, солдат любит ясно* [13, с. 516]; *Красноплотый заговорит, всех слушателей переморит* [14, т.2, с. 197]; *Красно говорит, да слушать нечего* [14, т.2, с. 190]; *И красно, и пестро, да пусто цветом* [14, т.2, с. 195]; *Дворянская служба – красная нужда* [13, с. 517]; *Вот тебе грош за красную ложь* [14, т.1, с. 390]. Здесь в ЦО *красный* смысл «красивый» со смыслом «полезный» во взаимозначном соответствии не находится, *красный* понимается как «красивый», но «бесполезный», «непригодный». Следовательно, в *красном* как «красивом» сохранился смысловой рудимент «полезный», перешедший в свой антипод. Отсюда и добавочный смысл «бесполезный» к основному «красивый» (ср. зафиксированное в идиомах осмысление историко-культурной языковой традицией славян «красивого» и «красного» как неглавного и даже лишнего в рус.: *На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко* [6, с. 186]; *Красивый на грех, а дурной на смех* [6, с. 186]; *Не родись красивой, а родись счастливой* [6, с. 186] и укр. *Не родися красна, а родися щасна* [цит. по: 20, с. 211]).

Как было сказано выше, фразеологический корпус русского языка зафиксировал *красный* как семантически многослойный концепт. Анализ идиом свидетельствует о том, что данный колоратив при трансформации «темного» в «светлое» приобрел «светлый» смысл, семантика *красного* как «красивого» стала осмысливаться в исключительно положительном контексте. По сути, в ходе развития языка адектив *красный* утратил свою первичную семантику. Отошло в прошлое понимание *красного* как «темного» и «полезного» / «бесполезного», в результате чего названный колоратив со значением «красивый» обрел положительное оценочное значение (что и зафиксировано этимологическими источниками). Ср.: *Красный двор* [23, с. 164]; *Без тебя не цветно цветы цветут, не красно дубы растут в дубровушке* [13, с. 545]; *Женить бы его не на красной девице, на рябиновой вице* [14, т.1, с. 420]; *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку* [13, с. 518]; *Красна пава перам, а жена правом* [14, т.2, с. 107]. В этих примерах ЦО *красный*, выступая эталоном позитивной оценки, вобрал в себя смысл «красивый»; иногда лексема *красный* означает «праздничный», «хороший», «прекрасный». В значении «красивый» слово *красный* несет и позитивную, и негативную коннотации. Однако, повторим еще раз, эту связь нельзя называть исходной и, соответственно, будет ошибочно рассматривать «красивый» как первичный смысл адектива *красный*.

С развитием языка лексема *красный* приобрела собственно цветное значение (см., например, ст.-слав. *красьнѣ*, др.-русск. *красьнии* «красный», «бурый», «рыжий», «карий», «коричневый с красноватым отливом», ст.-польск. *krasny* «красный», польск. *krasny* «пестрый», «разноцветный» [2, с. 162; 18, с. 97; 8, с. 17]). Слово *красный* стало пониматься как лексема, передающая цветовой признак. Наблюдения показывают, что названный смысл представлен в ряде фразеологических и паремиологических формул. Например: *Красный петух* [23, с. 440]; *Под красной шапкой* [23, с. 707]; *Рад, как дурак красной шапке* [14, т.2, с. 263]; *Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы* [14, т.1, с. 315]; *Красная бумажка* [23, с. 51]; *Покраснел как рак* [14, т.2, с. 327]; *Земляника красна – не сей овса напрасно* [13, с. 624];

Красенький кочеток по жерди ходит [14, т.2, с. 599]. В указанных случаях *красный* используется как один из цветов спектра и имеет буквальное (цветовое) значение.

Анализ фразеологического корпуса показывает, что с приобретением цветового смысла *красный* в русской национальной культуре получил и отрицательные оценочные коннотации. Так, при описании внешности человека данное ЦО может иметь отчетливо негативный смысл (ср.: *Вавила красное рыло* [14, т.1, с. 612]; *Рыжий да красный – человек опасный* [14, т.1, с. 612]). Это объясняется национально-культурным восприятием красного при характеристике лица (*красное рыло* = «сытое»; ср.: *С калача лицо белеет, а с сыта краснеет* [13, с. 584]), цвета волос (*красные* = *рыжие*) у «слишком яркого, неестественного, выделяющего» [5, с. 141] из общей массы человека (ср. взятый у С. Григорук укр. пример *Сліпий, кривий, рудий та красний самий опасний* [5, с. 141]). Как видим, в данных идиомах зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать колоратив *красный* для негативной оценки неестественно яркой внешности человека. Этот факт подтверждает мысль о том, что цветовая семантика напрямую связана с историческим и культурным опытом народа, что на цветообраз наслаиваются традиции и обычаи нации. Поэтому, характеризуя собственно цвет, *красный* реализует неоднозначность оценочной семантики, свою смысловую полярность. Эти факты дают нам право говорить о слове *красный* как о семантически амбивалентном колоративе. Соответственно, мы не можем согласиться с некоторыми авторами, которые считают, что слово *красный* группировалось «вокруг одного смыслового центра – обозначения различных положительных качеств» [1, с. 116], имело «положительную оценку» [8, с. 219].

Изложенное позволяет считать, что слову *красный* присуща разветвленная семантика. Данное ЦО с исходным содержанием «темный» реализует и цветовой, и оценочный смыслы, несет, помимо значения «красный», значения «полезный» и «красивый». При этом собственно цветовой признак слова (*красный* – значит «красный»), который данная лексема приобрела лишь опосредованно, соотносится с положительными и отрицательными коннотациями, следовательно, является частным составляющим смыслового наполнения этого семантически амбивалентного и многослойного прилагательного.

Выводы. Итак, собранный фактический материал еще раз доказывает, что фразеологические формулы, являясь источником знаний о зафиксированной в языке культуре и истории народа, вобрали в себя глубинный номинативный смысл единиц языка. Фразеология и паремнология, представляя собой один из способов языкового мировидения, входят в сферу человеческой семантики, отражают взаимодействие человека и мира. Стало быть, фразеологические формулы «этнически своеобразны, полифоничны по смыслу и полифункциональны по использованию» [7, с. 20]. Поэтому буквально, «реалистично» интерпретировать фразеологизмы, подобные рассматриваемым, ошибочно. Необходимо смотреть на них как на многослойную (прежде всего семантически) единицу мысли. Подобный подход должен быть взят за основу при рассмотрении идиоматических сочетаний с иными (не только *красный*) колоративами. Но это – предмет дальнейшего изучения интересующего нас вопроса.

Список литературы

1. Андреева-Васина Н.И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы и характеристики функционирования слова) // Диалектная лексика / АН СССР; Ин-т русского языка. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С.115-120.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
3. Брагина А.А. Красный // Рус. речь. – 1970. – № 2. – С.79-83.
4. Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.

СЕМИОТИКА КОЛОРАТИВА КРАСНЫЙ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

5. Григорук С.И. Концепт цвета в русской и украинской народной паремиологии (аксиологический аспект) // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. М.А. Алексеенко / Редкол.: В.М. Мокиенко (гл. ред.), Х. Вальтер (Германия), К. Иван (Польша) и др. – М.: Азбуковник, 2002. – С.137-144.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – М.: Рус. яз. – Т.2. – 1981. – 779 с.
7. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: Дис. ...канд. филол. наук / 10.02.01 – русский язык / Курск. гос. пед. ун-т. – Курск, 1998. – 220 с.
8. Кезина С.В. Причины развития оценочности у русских цветообозначений // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Мат-лы регион. науч. конф. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2000. – С.219-229.
9. Колосова В.Б. Цвет как признак, формирующий символический образ растений // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С.254-266.
10. Луценко Н.А. Предикативная природа слова // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип.11. У 2 частинах / Укл.: А. Загнітко (наук. ред.) та ін. – Част. I. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – С.166-177.
11. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1989. – 287 с.
12. Новикова М.О. Провіт українських замовлянь // Українські замовляння / Упоряд. М.Н. Москаленко; Автор передм. М.О. Новикова. – К.: Дніпро, 1993. – С.7-29.
13. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. ст. М.А. Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
14. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 704 с.
15. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // А.А. Потебня. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С.285-378.
16. Рамзевич Н. Различие синонимов черный и червленый // Филологические записки. – Вып. V-VI. – Воронеж, 1897. – С.21-24.
17. Сказки: Кн. 2 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М.: Сов. Россия, 1989. – 576 с.
18. Суровцова М.А. Развитие цветового значения слова *красный* // Рус. яз. в шк. – 1970. – № 3. – С.97-100.
19. Тяпкина Т.М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / 10.02.04 – германские языки / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Иваново, 2002. – 19 с.
20. Ужченко В.Д. Народження і життя фразеологізму. – К.: Рад. шк., 1988. – 279 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. – 2-е изд., стереот. М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 2. – 672 с.
22. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
23. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

Поступила в редакцию 17.03.2005 г.